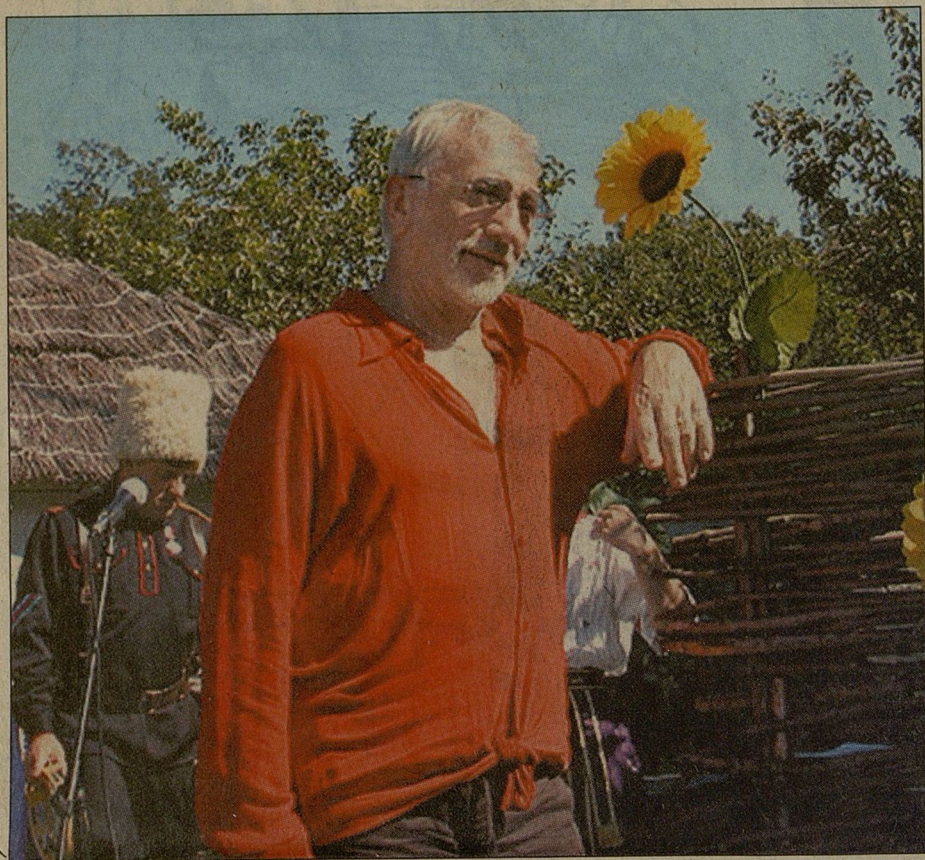

ВИКТОР МЕРЕЖКО:

«По очередям за колбасой не тоскую»

МАША ДУБОВА, Анапа

Сегодня в Анапе завершается 13-й открытый фестиваль кино стран СНГ и Балтии «Киношок». О его истории и о своей судьбе в кино «Новым Известиям» рассказал президент фестиваля, известный сценарист и телеведущий **Виктор МЕРЕЖКО**.

— Не так давно ваш коллега Марк Рудинштейн — глава сочинского фестиваля — заявил, что закроет свой «Кинотавр». За тринадцать лет существования «Киношока» у вас возникали подобные мысли?

— В какой-то момент мы действительно устали добывать деньги — это же дело очень трудное. «Кинотавр» с этой проблемой год от года сталкивается, Рудинштейн вот уже не выдержал. Но в Анапе сейчас ситуация как-то стабилизировалась: нас частично поддерживает государство, частично Краснодарский край, а частично мы сами попрошайничаем. Мы с этим смирились: понимаем, что деваться, в общем-то, некуда. Ведь фестиваль как ребенок: ты за него болеешь, переживаешь, поддерживаешь его — и морально, и материально. И совсем неважно, тридцать ему лет или сорок, он все равно остается ребенком.

— Было время, когда картины в конкурс международного «Киношока» поставляла только Россия. Тогда не опускались руки?

— Честно говоря, начинали мы это все как шутку: «Киношок» — шокирующее кино. Было безумное время: в год снималось, если вы помните, около 500 фильмов, снимал кто хотел и что хотел. Позже, когда мы сформулировали название нашего слета по-другому — «Фестиваль стран СНГ и Балтии», тогда и задачи у нас появились более серьезные, потому что наступил голод, и пришлось побегать за фильмами. Тогда было стыдно даже работать в кино. Сегодня Россия снимает много фильмов, но это, к сожалению, уже точное производство. Другая ситуация в странах нашего ближайшего зарубежья. Замечательно работают казахи, прибалты — у них есть так называемый штучный товар. Понимаете, мне кажется, в странах бывшего СССР наступил период ответственности, а в России — период массового производства. А в массовом производстве есть опасность загубить кинематограф. Конечно, появляются и жемчужины в песке. Мы большие надежды возлагали на Светлану Проскурину (она привезла свою картину «Удаленный доступ» к нам прямо с Венецианского кинофестиваля) — ее кино выбивается из потока.

Новые известия - 2004 - 22 сент. - с. 15

«По очередям за колбасой не тоскую»

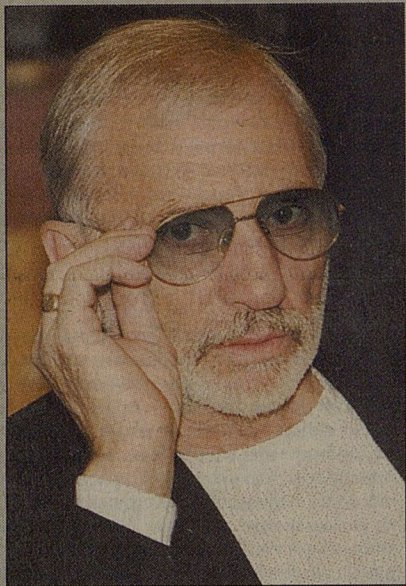
Окончание. Начало на стр. 1

— Этот фестиваль носит несколько ностальгический характер. Эльдар Рязанов мне недавно говорил о том, что скучает по СССР. А вы?

— Наверное, да. Мне нравилось то единое пространство, которое у нас было, — духовное и культурное. Вот я смотрю на то, как европейские страны объединяются в Евросоюз, и думаю: ведь это же не только для того, чтобы ввести общеевропейскую валюту, но еще и для того, чтобы народы чувствовали себя более защищенными в различных экстремальных и бытовых ситуациях. И уверяю вас, пройдет несколько лет — и обязательно появится кинофестиваль стран Евросоюза (по образу и подобию «Кишока»). Вот в этом смысле у меня есть, конечно, и ностальгия по СССР, и чувство радости от того, что сюда, в Анапу, приезжают коллеги из ближнего зарубежья. Но сказать, что я тоскую по очередям за колбасой, не могу. Мне печально и горько, что была развалена великая держава, и сейчас мы имеем раздраз, конфликты, войны внутри бывшего Советского Союза. Это печально и может привести к нашему абсолютному разъединению. А наш фестиваль (прошу прощения за пафос), пожалуй, единственное мероприятие, которое пытается сохранить это духовное и культурное пространство.

— Недавно вы как-то обмолвились, что «Кишонок» наконец из фестиваля для пенсионеров превращается в международный форум. Что вы имели в виду?

— Контингент стал моложе. Людей моего поколения (тех, кому за 50) сейчас в кино все меньше. Поэтому мы стараемся подбирать в программу фильмы молодых. Раньше старались привозить в Анапу по большей части старых советских артистов, а сейчас их здесь раз-два и обчелся. Теперь здесь больше молодежи, ребят, которые только через

ДМИТРИЙ КРУПОВ

Виктор МЕРЕЖКО родился 28 июля 1937 года в деревне Оргенфельд Ростовской области. В 1961 году окончил полиграфический институт во Львове, в 1968 году — сценарное отделение ВГИКа. По его сценариям поставлено более 40 фильмов, среди которых: «Здравствуй и прощай», «Вас ожидает гражданка Никанорова», «Родня», «Полеты во сне и наяву», «Одинокая женщина желает познакомиться». 15 пьес Виктора Мережко идут на сценах российских театров. С 1987 года он работает на телевидении. Был ведущим программы «Шок». С 1989 по 1994 год — ведущий программы «Кинопанорама». В 1994 г. возглавил программу «Мое кино» на телеканале «ТВ-6 Москва». Один из соучредителей, а с 1994 г. — вице-президент Московской независимой вещательной корпорации (МНВК). Мережко — президент кинофестиваля «Кишонок». Президент комитета премии «Ника». Лауреат Госпремии СССР. Заслуженный деятель искусств РФ.

— Кроме того, что я выбиваю деньги вместе с актрисой и генеральным директором фестиваля Ириной Шевчук, в мои обязанности входит так называемое представительство. Я лицо фестиваля, а Ирина Шевчук — его мотор. То есть она «держит» команду, а я где нужно выступаю, где нужно улыбаюсь, когда нужно прошу. Я с этим смирился, так же, как и Ирина. Хотя, конечно же, нелегко все дается. Вчера у нас было 4 встречи подряд. Под конец, часов в 11 вечера, я уже не мог даже улыбаться, устал говорить примерно одни и те же слова, только на разную аудиторию: «Я вас люблю (что искренне), я счастлив вас видеть, и так далее, и тому подобное». Мне иногда кажется, что я заигрываюсь. А что поделаешь? Ведь на «Кишоке» собираются не только

друзья, не только коллеги, но и простые зрители, которые ждут от меня улыбки и просто хороших слов. Если я неприятливо поздороваюсь с кем-то из членов зарубежных делегаций, то могут подумать, что я либо хам, либо не люблю данную бывшую советскую республику, данную страну.

— Насколько я понимаю, в конкурсе «Кишока» по регламенту не может быть картины, в создании которой принимали участие вы сами. Тем не менее я знаю, что несколько раз были сделаны исключения.

— Да, два раза картины по моим сценариям оказывались в конкурсе. В первом случае это была «Курочка Ряба» Андрона Кончаловского, во втором — белорусская лента «Три женщины и мужчина». Тогда были скандалы, меня ругали на чем свет стоит. Но дело в том, что «Курочку Рябу» снял не самый худший режиссер на свете — Андрон Кончаловский, и мы включили картину в конкурс, потому что это именно он снял фильм, а отнюдь не потому что я писал сценарий. До сих пор вспоминаю со стыдом тот прецедент, потому что и меня, и картину разнесли в пух и прах. Я так радовался, что нам не дали Гран-при! И тому, что Андрей не смог прилететь. В тот год жюри фестиваля возглавлял театральный режиссер Анатолий Васильев, он потом ко мне подошел, когда призы были розданы, и сказал: «Ты знаешь, я подумал, что все-таки Гран-при надо было дать «Курочке Рябе». Тогда я понял, что мне ни под каким предлогом нельзя свои картины отдавать в конкурс — это только вредит всем. А что касается внеконкурсной программы — почему я должен быть в стороне? Я сейчас в качестве режиссера запустился с новой годней двухсерийной телевизионной картиной под названием «Новогодний мужчина». Надеюсь, что эту музыкальную легкую комедию я уже в будущем году покажу анапчанам и гостям фестиваля. Кроме того, у меня в планах (не хочу сплзисть) снять мюзикл. И еще я

задумываю проект, связанный с Федором Михайловичем Достоевским. Но, мне кажется, уже достаточно того, что я сделал в этой области (в данный момент снимается уже 52-я картина по моему сценарию). И пока я решил отойти от киношных дел, мне стало вдруг уже неинтересно работать в кино (как ни опасно это звучит). Гораздо интереснее работать для телевидения, нежели для экрана. Потому что на телевидении продукция сразу идет к зрителю — и лицо твоё заломинают, и фамилию. А фильм, показанный в двух-трех кинотеатрах, мало чего добавляет к моему имиджу, к моей популярности.

— Наверняка у вас есть сценарии, которые давным-давно лежат в столе и по тем или иным объективным причинам не дошли до зрителя...

— Да. В скором времени будет опубликован сценарий «Перепеты мобилы Степана Бобыля», написанный мной в 1973 году. Когда-то я опубликовал эту вещь в «Литературной газете», и Сергей Юткевич, прочтя ее, сказал, что более интересного произведения не читал. Это абсолютная комедия, фарс о том, как в России, в отдельно взятом селе, пытаются построить коммунизм и что из этого получается. Как говорит поэт Владимир Вишневский: «Те же грабли приветствуют меня!» — вот об этом сценарии, который в свое время запретили, я жалею. Меня же в принципе никогда не запрещали. Кроме, пожалуй, одного случая — с картиной «Полеты во сне и наяву». Фильм хотели положить на полку, но нас спас Ермаш Филипп Тимофеевич, бывший тогда председателем Государственного комитета СССР по кинематографии. Он посмотрел картину и сказал: «Ну что, средняя картина, дадим третью категорию. Мережко знают, конечно, и это не к лучшему. Зато кто такой Балааян — никто не знает и знать не будет. Вот и отлично!». И нас выпустили. А так в принципе у меня была счастливая судьба в кино!